

Сквозь серость дней твой образ, сердцу милый,
Чудится порою мне, как светлый луч сквозь тучи,
Иль сладкий сон, явившись на заре.

При всей сложности и трудности жизненного пути:

Лета мои бегут, жизнь клонится к исходу,
Все горестнее думы, тяжелее сны.
А с душой неведомое что-то происходит —
Она ведь так же молода, как в былые дни.

Хочется на зорьке выйти в чисто поле,
Насладиться свежестью утренней росы,
Хочется с любимым посидеть над речкой,
Облаком укрывшись, как в былые дни.

Иль под рясной вербой постоять, обнявшись,
Побродить по чаще, огибая пни,
Или сесть на весла и уплыть далеко,
Наслаждаясь волей, как в былые дни.

Думы запоздалые, не тревожьте душу,
Обольщая благостью, магией весны.
Отцвела черемуха и умолк соловушка,
Не вернуть ни молодость, ни былые дни.

Ну и что? Ведь и в закате есть свое очарование.
Достоинно и красиво прожитая жизнь —
в душе воспоминания.
Если жизнь прошла не в праздновстве,
а в творческом дерзании.

ИГОРЬ СОХАНЬ,

писатель, публицист, Канада, Торонто

Либертарианство и анархический персонализм

В литературе говорят: “Все мы вышли из гоголевской “Шинели””. В политологии же мы все вышли из фразы Прудона: “Собственность — это кража”.

Разделение по различиям в видении мира после Прудона не обязательно подразумевает соперничество. Даже учение Карла Маркса, отрицавшего подражание идеям Прудона, близко и анархизму, и персонализму. Нестор Махно, к примеру, ездил на переговоры к Ленину. Таким образом происходило наше развитие видения мира как государства и общества — и положе-

ния в нем личности. Это наша история, становление нашей картины мира. У каждого картина своя, но есть сформировавшиеся на данное время общие представления. Они существенны и влияют на видение мира.

Наша позиция анархического персонализма немного отличается от либертарианства. Мы, персоналисты — зависимые люди, несвободные. У нас есть друзья, дети, государство. Будет плохим государство — убежим в другое. Но это не совсем либертарианство. Мы с государством дружим, помогаем ему. Логика проста: кто будет помогать государству, если не мы?

Помощь государству осуществляется в разных формах: выборы, налоги, гражданская активность, работа и творчество в различных сферах. Можно помогать государству в другой точке света. Но если происходит серьезный конфликт государства и личности, начинается Исход. Общество, сформированное государством, должно создать условия для процветания личности. Необходимы также научные достижения, хорошие школы, безупречные законы, честные судьи, благосостояние...

Либертарианство предполагает приличную форму разговора об анархизме, который можно понимать и классически, и вульгарно, и по-студенчески, и воинственно, как Махно... Вариантов много...

Неким философиям почему-то не везет. Киникам, скажем (кроме Диогена Синопского). Анархистам. Персоналистам, как будто они совсем не интересны (исключение — Мунье, которого любили и сотрудники журнала “Эспри”).

Отметим, мы намерены говорить об анархическом персонализме с легким привкусом кинизма. Конфликтные отношения личности с социальным окружением, временем и миром, государством, что обычно происходит у всех нас, не будем выносить за скобки. Важно понимать, что конфликт возникает в момент принятия решения. Это самый существенный момент. Он может длиться и делиться на части. Решения осуществляются во множественном числе, принимаются же и государством и личностью на разных уровнях.

Можно не замечать личность. Трудно не заметить государство. Иначе возникают сложные отношения, о которых всем известно. Можно не видеть личность, поскольку она несущественна, или игнорировать государство, ведь оно зачастую являет себя как ничтожное, вредное, случайное образование для данной личности. Игнорируя государство, все равно нужно с кем-то оставаться. Личность не может быть одна. Нейтральный вариант — не воспринимать государство так, как оно видит себя (в хорошем “картинном” образе), и просто пользоваться им как средством для выживания. Государство, со своей стороны, пользуется личностью как средством.

Разговор о личности бессмысленный. Личность говорит только сама с собой, понимая при этом свою несущественность. С точки зрения анархического или агностического персонализма (определения могут быть и другие), личность социальна. И тут возникают споры между либертарианством, анархизмом и персонализмом. Мы не будем спорить. Мы будем говорить о личности. Личности разные, государства разные, отношения личности и государства разные. Исторически данные отношения постоянно меняются.

Либертарианство, либерализм — это способы сформировать наилучший способ финансирования, фондирования государства. Обе теории настаивают на категорическом требовании к государству: не вредить личнос-

ти. Если это требование нарушается, принимаются анархические решения — разные, не обязательно драматические.

Новейшая картина мира

Вначале сделаем важное уточнение. Картина мира, как мы указали выше, формируется каждым, но существует также и спектр других картин мира, так как в различных социальных группах рождаются свои картины мира, которые объединяют членов группы. Государство в целом тоже может иметь свою картину мира, общепринятую в той или иной мере. Часто спекулируют на том, какая картина мира доминирует в данное время, в определенную эпоху. Различные течения и создают наше личное видение мира, нашу картину мира, о чем мы писали в работе “Исповедь персоналиста”. Таких мировоззрений много, и это естественно.

Торговля, создавшая современную цивилизацию (не обязательно западноевропейскую, поскольку торговали и богатели все), — это умирающий дракон. И не потому, что теперь легче купить товар на Amazon, а оттого, что товара больше нет. Товар умер, и товарно-денежные отношения ушли в прошлое. Товар—деньги—товар плюс прибавочная стоимость — такого больше нет. Есть товар и сервис по доставке. Нет производства как такового. Существует только сервис.

Вместо товара (даже в случае с Amazon), которому требуется логистика для его доставки, остается только предмет. Его нужно произвести на ближайшем принтере. Товара нет. Есть заказ. Конкурируют не товары, а виртуальные концепты, которые можно посмотреть со всех сторон в интернете, заказать, оплатить и распечатать или доставить к двери дома. Что такое торговля? Это, с одной стороны, доверие, с другой — искусство обмана: “Купи мои персики! Пальчики оближешь...” Думаешь, что покупаешь то, что предложили попробовать, а покупаешь то, что покупаешь. Amazon — не базар. Однако нужно разделять быт и существование.

С точки зрения анархического персонализма отношение личности и общества в формате — это совместная жизнь разных близких людей. Государство и личность — семья! Рвать данные связи невозможно и бесполезно. Все попытки в истории были ничтожными. Личность и государство находят различные формы общения друг с другом — и с одной, и с другой стороны.

Есть разные способы объединить семью. Если личность и государство — одна семья, значит должны быть согласованный двумя сторонами бюджет, общая ответственность за потомков, в общем понимании. Семья — это любовь. Греки выделяли несколько типов любви. Семейная любовь, спокойная бесстрастная сторге, более подходит для описания отношений личности и государства. Нам представляется, что есть десятки типов любви. Можно любить детей, жену, родителей, друзей, собаку, бонсай, устрицы... Вот забудь устрицы на столе, собаку в мороз на улице — и нет любви, помрут. Самое главное в любви — это ответственность, она объединяет все типы.

Родственники или государство, если они не друзья, для анархического персоналиста Ничто. Есть ответственность перед личностью и у личности — перед государством, тогда возникает сторге, любовь. Ответственность появляется, если присутствует одинаковое понимание добра и зла. Иначе — какофония. Учитываем также разнообразие личностей в фундаментальном

единстве семьи: если муж едет на рыбалку, жена будет делать что хочет. Это семья. А если кому-либо из супругов запрещать, то... Запреты обычно очень вредят. Парламент может печатать законы каждый день — их нормальный гражданин не читает. Законы только трактуют Конституцию, которую лучше преподавать в школе.

“Из Прудона” вышли различные течения и представления картины мира. Согласно некоторым, личность и государство — не одна семья (или же семья плохая). Либертарианство, анархический персонализм объединяет то, что они за хорошую семью со всеми ее естественными сложностями.

Личность и общество непременно нужно объединять. Бывают разные семьи, в данном случае нет смысла цитировать Льва Николаевича, поскольку у великой личности сугубо своя семейная история. Но семья — это “ячейка общества”. Государство и личность — семья, что бы ни придумывали политики. Личность идет или не идет на выборы и таким образом, естественно, выбирает и формирует государство. Общество, историю делают обычные личности. “Других нет”. Роль личности в истории ограничивается определенным отрезком времени, далее личность может стать памятником.

Говоря о ценности личности, мы должны понимать, что именно она оказывает сильнейшее давление на принятие решений. Принятие решений — главное в государстве, вот почему и перекладывают на государство ответственность за принятие решений все обычные люди. Это основная проблема выбора: человек практически не совершает выбор, основываясь на своей полной и непротиворечивой картине мира, а манипулирует теми или иными ущербными картинками мира.

Без личности государство ничто. Были и есть миллиарды личностей, сотни государств. Принципиально мы не можем отделить личность от государства. Личность может ненавидеть государство. Но если государство начнет ненавидеть личность, возникнут проблемы, которые будет трудно решить. Мы знаем историю.

Личность — это обобщенное понятие живущих в данный исторический период разных людей. Либертарианство, анархизм, персонализм, которые вышли из работ Прудона, говорят об ограничении вмешательства в жизнь личности со стороны государства, которое является центром принятия решений, регулирует деловую жизнь, жизнь семей, перераспределение собственности, участие граждан в войне и т. д. С другой стороны, следует учитывать и ответственность личности перед своими собственными обязательствами. Серьезное дело быть Личностью и нести ответственность перед государством. Ответственностью могут быть поддержка или ответ. Государство не должно наказывать личность, не выполняющую свои гражданские обязанности, если она не нарушает кодекс поведения.

В работе “Счастье и Грех” мы говорили о безгрешном поколении последних тридцати лет. Чтобы участвовать в социальных отношениях, найти работу и не подвергнуться остракизму, нужно быть светлым лебедем, чистым и безупречным, нужно все свои недостатки превратить в достоинства. Это создает дисбаланс личности, поскольку она греховна. Не фундаментально, как утверждает религия, а на самом деле ситуативно — по крайней мере. Можно рассуждать о градациях любви, как и о градациях греха. Сначала воспринимаешь грех как невольный, потом осознаешь, что он все-таки интенциональный — либо намеренный и осознанный, либо совершаемый в

ярости или бешенстве. Дисбаланс личности между “счастьем и грехом” непременно создаст дисбаланс в отношениях с близкими и с самой собой. Мы не говорим о цельной личности, поскольку не знаем, существует ли таковая и как ее определить. Мы утверждаем, что личность — это скорее клубок нитей, белых и черных. Эту трактовку используем в отношении и личности, и государства. Если в отношениях возникнет дисбаланс, он будет разрушать и личность, и государство. Потихоньку, вода действительно камень точит.

После Прудона возникли социальные течения в политике и философии. Анархист Кропоткин спорил с Дарвином и утверждал, что в природе помимо борьбы видов в большей части очевидна Взаимопомощь. “Если ученый признает, что “единственный урок, который человек может почерпнуть из природы, — это урок зла”, то он вынужден будет признать существование какого-то другого влияния, стоящего вне природы, сверхприродного, которое внушает человеку понятие о “верховном добре” и ведет развитие человечества к высшей цели... В самой природе, писал он (Дарвин. — *И.С.*), мы видим рядом со взаимной борьбой другой разряд факторов, имеющих совершенно другой смысл: это факт взаимной поддержки внутри самого вида; и эти факты даже важнее первых, потому что они необходимы для сохранения вида и его процветания” [Кропоткин, 1991: с. 31].

Напомним о персонализме Бердяева и Мунье. Так, Бердяев писал, что “человек есть существо недовольное самим собою и способное себя перерастать” [Бердяев, 1993: с. 55]. С этим анархический персонализм безусловно согласен. Марксистская позиция отличается, поскольку создала свое видение и чрезвычайное давление на общество определенного типа государства в мире и повлияла на мир на сотню лет. Такие отношения личности и государства анархический персонализм не приемлет, как и либертарианство и либерализм. “Дух создан для того, чтобы незаметно превращаться в ценности...”, — утверждал Мунье [Мунье, 1999: с. 25].

Картина мира каждого человека — это ценность. Она формируется непрерывно, этот процесс и создает личность, которая в дальнейшем создает мир, известный нам и близкий. Можно заявлять: давайте создадим общество, где будут только прекрасные личности. Это как призывать переливать воду из одного графина в другой для общественной пользы. Из пустого в порожнее. Личность не возникает от переливания воды из графина в графин. Личность — это жизнь. Без одного не будет другого — и *vice versa*.

Персонализм, тем более анархический, следует отличать от множества теорий личности, исследующих поведенческие аспекты, подсознательное или сознательное в человеке, социальное (З.Фрейд, К.Роджерс, Э.Фромм, А.Маслоу — список обширный). Персонализм — это картина мира, которую личность формирует постоянно, начиная с первого момента познания мира в утробе матери. Также анархический персонализм в нашем видении отличается от персонализма Бердяева или классического анархиста Кропоткина. Последний в статье “Нравственные начала анархизма” исследует, как появляется и формируется нравственное чувство, практически цитируя Канта: “Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы другие обращались с нами; что мы не желаем больше терпеть неравенства, которое позволило бы некоторым из нас пользоваться своей силой, своей хитростью или смышленностью в ущерб нам. Равенство во всем — синоним справедли-

вости. Это и есть анархия” [Кропоткин, 1991: с. 301]. Анархический персонализм в определенной степени с этим вполне согласен, поскольку важно отметить некоторое совпадение видения, хотя в нашей работе “Исповедь персоналиста” мы рассматривали анархизм и персонализм в другом ракурсе. Бердяев размышляет о более фундаментальных понятиях этики, о разграничениях добра и зла. В работе “О назначении человека” в 3-й главе “Человек”, в подразделе “Персонализм. Личность и индивидуум. Личность и общество” философ говорит об отличии персонализма от индивидуализма, но опять же преимущественно в этических вопросах: “Человек погружен в великий круговорот природы, и власть над ним природы, космических стихий есть прежде всего власть рода. Носителем нравственного закона и оценки является род, а не личность. Не возникает вопроса о личной вине, потому что личность не является нравственным субъектом и не ей принадлежит суждение и оценка” [Бердяев, 1993: с. 67].

Анархический персонализм иначе видит мир и личность. “Например, писатель Сартр, участник Сопротивления: как философ он экзистенциалист, но как писатель — персоналист. Совершая поступок, мы выбираем себя, но в персонализме такая идея не работает, поскольку в этой философии человек выбирает себя не тогда, когда совершает поступок, а когда кается, очищается от грязи, которую создал, совершив что-то, поэтому персонализм говорит больше о внутреннем, будущем, нетленном в человеке, чем о прошлом, темном, наносном. Грешат многие. И мечтают многие. Для кого-то мечты, сны смыывают совершенный непростительный грех. В персонализме нельзя отмыться от греха, забыть, искупить. Никто, кроме тебя самого, не накажет тебя. То, что ты сделал, останется с тобой навечно в той или иной форме. Беспечно выбирая будущее, мы забываем прошлое, а помня и оставаясь зависимым от прошлого, сохраняем связь прошлого и настоящего. В персонализме человек всегда должен быть выше своего прошлого, хотя это несколько никого не возвышает” [Сохань, 2013: с. 11]. “Поступок” для Сартра — это принятие решения. Но не то принятие решений, которому обучают в бизнес-школах менеджеров. Это фундаментальный поступок, который совершает государство, определяя свою судьбу, и совершает личность, определяя свою судьбу, когда принимаются не текущие, а “судьбоносные” решения.

В заключение мы еще раз хотели бы подчеркнуть значение Прудона в философии и культуре в целом, поскольку он стал прародителем многих современных течений.

Источники

- Бердяев, Н.А. (1993). *О назначении человека*. М.: Республика.
Кропоткин, П.А. (1991). *Этика: Избранные труды*. М.: Политиздат.
Мунье, Э. (1999). *Манифест персонализма*. М.: Республика.
Сохань, И. (2013). *Исповедь персоналиста*. К.: Наукова думка.

Получено 08.11.2019